

Максимов Сергей Васильевич

Заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Два основных вопроса современной уголовной политики России

Нужен ли России новый Уголовный кодекс?

13 июня 2011 г. исполняется 15 лет со дня принятия действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. УК давно перестал занимать то ключевое положение в системе российского законодательства, которое он занимал в советский период нашей истории. На наш взгляд, эта перемена благотворна и для самого уголовного законодательства и для перспектив его развития. Тем не менее, и сегодня ни одно сколько-нибудь значительное политическое событие, экономическое решение, техногенная, природная и социальная катастрофа или авария не проходят бесследно для уголовного закона. По-прежнему, роль уголовного закона переоценивается, теперь уже в угоду общественному мнению о признаках эффективности власти – если власть вводит или усиливает кару за новые или недооцененные по степени общественной опасности деяния – значит работает. За полтора десятилетия действия УК был исправлен 95 раз (по состоянию на 6 апреля 2011 г.). При этом суммарное число изменений крайне трудно подсчитать, поскольку оно, в сущности, включает не только несколько сотен поправок в отдельные статьи собственно УК, но и многочисленные изменения, внесенные в нормативные правовые акты, положения которых составляют бланкетное содержание отдельных уголовно-правовых норм. Вместе с тем, нельзя не признать, что эти многочисленные поправки, нарушающие даже не столько «красоту» здания уголовного закона, сколько его устойчивость, стабильность в глазах правоприменителя и населения, в действительности не являются отражением радикальных перемен в экономической и политической жизни нашего общества. За это время ни базовые экономические условия, ни политический режим строй нашего общества существенно не изменились. Это означает, что *объективной необходимости немедленно принимать новый УК просто не существует*. Субъективно такая потребность у государства может сформироваться внезапно подобно тому, как возникла потребность в изменении наименования милиции.

Следует также помнить, что за последние пятнадцать лет сам нормотворческий механизм пострадал настолько, что даже безупречный в юридико-техническом отношении законопроект (особенно такой сложный и объемный как проект кодекса) непременно будет ухудшен в результате многочисленных согласований и правок в различных органах государственной власти. Один из парадоксов нашего времени состоит в том, что написать

текст УК, который в самых разных отношениях будет лучше текста действующего уголовного закона, мы можем, а принять лучший закон уже нет. Вряд ли стоит форсировать работы над текстом нового УК раньше, чем будут устранены причины этого парадокса. Этот вывод никак не влияет на полезность работы теоретической модели будущего УК¹.

Какой Уголовный кодекс нужен России?

Отсутствие объективной необходимости немедленно принимать новый УК не означает, что криминалистам сегодня не нужно думать о будущем УК, ограничившись толкованием уже принятых законодателем решений или критикой намечающихся. Задачи ученых сегодня, по нашему мнению не должны сводиться к тому, чтобы оправдывать нелогичные или антинаучные нормотворческие решения, помогая правоприменителю найти выход из юридического тупика или к тому, чтобы смело говорить законодателю «нет», в тех случаях, когда замышляемые решения по реализации политической воли «не лезут ни в какие ворота». Наука должна выполнять и прогностическую функцию. Нужно не только сохранять, но и развивать теоретические основы будущего уголовного законодательства страны в надежде на то, что к моменту принятия нового УК (надеемся не раньше вызревания для этого необходимых объективных условий) к мнению ученых власть вновь научится прислушиваться по настоящему, а не для оправдания заранее принятых решений.

На наш взгляд, для глубокой теоретической и нормотворческой проработки давно созрели такие концептуальные идеи *будущего Уголовного кодекса* страны как:

1) *принятие кодекса уголовных проступков*, который вполне может быть «внедрен» в структуру единого кодифицированного акта. Потребность в таком «кодексе в кодексе» обострилась до такой степени, что без решения данной проблемы почти невозможно депенализировать (прежде всего, в части наказаний, связанных с изоляцией от общества) составы наиболее распространенных видов преступлений против собственности;

2) *введение уголовной ответственности для юридических лиц*. Одна из причин, по которой законодатель не может приступить к реализации этой идеи, заключается в поверхностной теоретической и нормотворческой проработке всех средств и правовых последствий введения этого института с учетом реалий российской правовой системы. Копировать чужой нормативный опыт практически невозможно. Нужно создавать межотраслевую модель, долго ее обсуждать и примерять;

3) *законодательное определение в рамках отдельной главы Общей части УК группы основных оценочных понятий*. Даже если в УК появится глава «Определения основных понятий», такой мерой вряд ли удастся в основном решить проблему упорядочения правоприменительной практики по уголовным делам и минимизации коррупциогенного влияния на нее неопределенности уголовно-правовых установлений. На наш взгляд, параллельно должна вестись работа над теоретическими основами судебного прецедента,

¹ Теоретическая модель Общей части действующего была разработана авторским коллективом ИГП АН СССР под рук. В.Н. Кудрявцева еще в 1987 году.

над решением проблем обязательности судебного толкования уголовного закона, исходящего от высшей судебной инстанции по уголовным делам, и статуса решений пленума Верховного Суда РФ²;

4) закрепление в УК общих и специальных правил квалификации преступлений, альтернативой которому является почти невысказанное сегодня обучение и воспитание большого числа правоприменителей, владеющих навыками квалификации преступлений как искусством;

5) окончательный «перенос» в Общую часть УК санкций всех уголовно-правовых норм, закрепленных ныне в статьях Особенной его части³. Одной из возможных выгод такого решения может стать создание более прозрачной и понятной всем заинтересованным сторонам системы назначения наказаний. Недобросовестному правоприменителю станет труднее манипулировать невежеством присяжных, потерпевших и обвиняемых, а законодателю – труднее предлагать абсурдные решения вне лестницы наказаний, у которых нет другой почвы кроме конъюнктуры;

6) замена относительно определенных санкций с множеством альтернативных наказаний абсолютно определенными с единственной альтернативой, подобно тому, как это сделал законодатель Швеции («десять лет лишения свободы или штраф в размере трехкратной стоимости похищенного имущества»). Сегодня законодатель решил пойти в противоположном направлении, исключив предусмотренные во многих статьях особенной части УК нижние пределы наказаний за преступления. Таким образом, значительно расширяются пределы судебного усмотрения. А, следовательно, и возможности коррупционного давления на суд. Справится ли суд с этим давлением сегодня?

Законодатель не должен, по нашему мнению, приспособлять уголовный закон к снижающемуся уровню профессиональной подготовки правоприменителя и «латать» дыры правоприменения лишь нормотворческими средствами. Будущее такой уголовной политики не внушает оптимизма.

Все эти идеи, в сущности, не новы. Однако начинать работу над новым УК России с того, чтобы вновь, как это уже было пятнадцать лет тому назад, отбросить их в сторону, не стоит, как не стоит сносить старое, но крепкое здание ради того, что построить новое, а не лучшее.

² См., например: Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы. М.: Институт государства и права РАН – ИПСИ АРПО РФ, 2009. С. 112.

³ О целесообразности данной меры еще в конце XX в. высказался проф. Л.Д. Гаухман.